

УДК 800-899.82

Евгения Буркова

ПРИНЦИПЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ Л. ШЕСТОВА

В статье рассматриваются принципы интерпретационной практики Л. Шестова. Делается акцент на философах критика, позволивших ему создать оригинальную концепцию творческой индивидуальности писателя. Анализируются статьи Л. Шестова, до сегодняшнего времени не вошедшие в научный оборот. В центре внимания — работы о Н. Гоголе и Ф. Достоевском, объединяемые идеей Л. Шестова об экзистенциалах русской литературы.

Ключевые слова: критика, русская литература, «шестовизация», художник, интерпретация.

У статті озглядаються принципи інтерпретаційної практики Л. Шестова. Робиться акцент на філософах критика, які дозволили йому створити оригінальну концепцію творчої індивідуальності письменника. Анализуються статті Л. Шестова, що не увійшли до сьогодні до наукового обігу. У центрі уваги — роботи про Н. Гоголя, Ф. Достоевського, поєднані ідеєю Л. Шестова про екзистенціали російської літератури.

Ключові слова: критика, російська література, «шестовізація», художник, інтерпретація.

The article discusses the principles of interpretive practices of L. Shestov. The emphasis is on philosophemes of critic, which allowed him to create an original conception of creative personality of the writer. Analyzed articles of L. Shestov, up to now did not include in the scientific area. In the center of attention — the works of Nikolai Gogol and Fyodor Dostoevsky, united by the idea of Shestov's existentials of Russian literature.

Key words: criticism, russian literature, «shestovizatsiya», creator, interpretation.

Постановка проблемы. В современном гуманитарном знании особый интерес вызывает литературная критика конца XIX — начала XX вв. В этом плане наибольшее количество работ посвящено В. Розанову, Д. Мережковскому. Однако следует заметить, что критическое наследие Л. Шестова предметом пристального осмысления в литературоведении ещё не стало. Методологической основой данного исследования являются работы М. Бахтина, А. Слюсаря, Е. Черноиваненко и статьи шестоведов (В. Лашов, Э. Резник, Н. Таменева и др.).

Заметим, что свойственный критике Л. Шестова синтетизм выступает тем доминирующим свойством, сквозь призму которого проявляются типологические признаки и черты историко-литературного процесса конца XIX — начала XX вв. Но даже в рамках развития религиозно-философской мысли этого времени шестовский дискурс подчеркнуто индивидуален, самобытен и не вписывается полностью ни в одну из эпистем эпохи. Его можно назвать метакритическим дискурсом, находящимся в диалогических отношениях с разными культурными эпохами. Н. Раковская отмечает: «Шестовская метакритика отрицает не только концепцию французского позитивиста Тена об обусловленности литературы окружающей средой и декадентскую идею о решающей роли случая в индивидуальной жизни человека, но и характерное для его времени соединение представлений о закономерности и случайности как главных законах в жизни и истории» [10, с. 39].

В философской литературной критике этого периода на первый план выдвигается категория сознания, делается акцент на субъективном мировосприятии русской литературы, на перенесении свойственного критику умонастроения, сферы личного «своего» на сферу «чужого». Между данными сферами осуществляется диалогическая коммуникация, субъектами которой выступают критик как ее инициатор и художественный текст. Следует отметить, что континуумом для реализации диалога предстает прежде всего мир критика, воплощаемый, в свою очередь, в структуре его статей. Поэтому Л. Шестов «как бы превращает читаемые им книги в свои собственные...» [11, с. 120]. Более того, в структуре критического текста значительное место принадлежит читателю. В данном случае читателем выступает сам критик, которого интересует не авторский замысел и не социально-исторический контекст создания художественного произведения, а мир литературы как континуальный, самодостаточный, эстетически организованный. Именно поэтому Л. Шестов «анализирует и осмысливает сочинения со своей собственной точки зрения и ставит их в новый ряд экзистенциальных текстов, то есть выдает установку читателя за установку текста» [11, с. 37].

Диалог с культурно-историческими эпохами осуществляется на основе экзистенциального компонента, углубляющего личностное, внутреннее «Я» критика и, вместе с тем, расширяющего поле коммуникации до уровня универсального, наднационального. Экзистенциальное сознание выступает в данном отношении категорией метасодержательной, поскольку охватывает сущностное, бытийное. Шестовизация (так определяет свой основной принцип Л. Шестов) предполагает в этой связи интерпретацию художественных явлений и биографических феноменов посредством философских методов. Здесь и проявляется присущий эпохе синтетизм мышления, который способствовал размыканию интерпретационных границ и построению новой модели литературной критики. В. Заманская пишет: «Решающим импульсом, обнаружившим экзистенциальное метасознание, стал фактор рубежного сознания» [4, с. 28]. В рамках метасознания органичной является потребность в создании «герменевтико-онтологического основания для интерпретации критики переходных эпох» [4, с. 38]. В связи с указанным закономерным является обостренное внимание Л. Шестова к художественному миру. При этом композиция критического текста строится с учетом особой методологии. Изменяется стратегия мысли критика, отталкивающегося не от традиции обнаружения авторитетного источника, а от растворенных в тексте экзистенциальных смыслов. Очевидно, что критик основывается на принципе текстуализации, который реализуется в структуре критического текста в виде цитации, расширения аллюзивного и реминисцентного ряда, различных образных вкраплений.

Более того, интертекстуальность как один из основополагающих принципов критики Л. Шестова также органически связана с парадигмой экзистенциального сознания. На ее основе осуществляется интеграция русско-европейских контекстов и контекстов мировой литературы и культуры: философских, культурологических, историко-литературных пластов и т. д. Эти пласты сложно дифференцируются в едином культурном пространстве и времени (в статьях Л. Шестова, в частности).

В связи с этим синтез в критике Л. Шестова осуществляется именно на основе концептуализации «последних слов» и

«проклятых вопросов» человеческого существования, поставленных в творчестве писателей. Здесь на первом плане соединение, генерализация культурно-исторического материала в некий континуум. Для более полного постижения пределов и глубин творчества писателя осуществляется декодировка интертекстуальных матриц. Но это для Л. Шестова оказывается недостаточным. Интертекстуальность критики Л. Шестова органически связана с эстетической и философской стратегиями. Данные стратегии позволяют установить границы межкультурной и межлитературной коммуникации, диалог между различными культурно-историческими эпохами и типами сознания. Переключка между дистанцированными, отстоящими друг от друга на столетия и тысячелетия героев и культурных артефактов становится возможной благодаря экзистенциальному сознанию Л. Шестова.

Текстуальные вкрапления в критике Л. Шестова выполняют «цементирующую», скрепляющую роль. Они создают из критических текстов автора разнородное целое. При этом в их функции выступают цитаты, тексты-прецеденты, образные переключки и т. д. Для Л. Шестова-критика свойственно объединение отдельных цитат в концентрические круги, отражающие особую ритмику его текста, стилистические повторы, риторическую модель вопросов, так и остающихся открытыми, незавершёнными. Между цитатами устанавливаются отношения полифонии. Так, слова Лютера органически вплетаются в разговор о Кьеркегоре, а слова Тертуллиана и Гейне служат авторитетным основанием для рассуждений о Лютере и Достоевском. Таким образом, прослеживается перекрестное взаимодействие эпох и персоналий, что позволяет говорить о концептуальной и системообразующей функции интертекста в критике Л. Шестова.

Основанием для интерпретационной практики Л. Шестова послужили работы Кьеркегора и целый корпус библейских текстов. Механизм их переосмысления очевиден на стыке скрещения принципов шестовизации и интертекстуальности. Тексты Кьеркегора выступают своеобразным ключом, средством декодирования и дешифровки шестовского наследия.

Обращение к идеям русской и европейской философской литературной критики конца XIX века позволило критику выстроить концепцию русской литературы, в центре которой, с его точки зрения, находится философская проблематика: «...русская философская мысль, такая глубокая и такая своеобразная, получила своё выражение именно в художественной литературе. Никто в России так свободно и властно не думал, как Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тютчев, Достоевский, Толстой... и даже Чехов...» [11, с. 44]. Таким образом, библейские тексты и работы философов были только толчком к пониманию русской литературы и творческой индивидуальности писателя.

Как нам представляется, художник становится основным объектом, вокруг которого выстраивается ход размышлений критика. Скажем, в статье «Киркегард и экзистенциальная философия (Глас вопиющего в пустыне)» каждая глава содержит в своём названии отдельные аспекты проблемы («Вера и грех», «Гений и рок», «Знание как падение» и др.); в заголовки ряда глав вынесены имена мыслителей или библейских персонажей, к которым постоянно обращается критик: «Иов и Гегель», «Киркегард и Лютер».

Так, например, в главе «Иов и Гегель» критик интерпретирует фразу «Глас вопиющего в пустыне», подчёркивая экзистенциальную позицию С. Кьеркегора. Тем самым Л. Шестов как субъект высказывания ведёт речь об экзистенциальном состоянии личности, ибо «...философия и литература имеют своим началом <...> *отчаяние*» [11, с.15]. Отчаяние возникает в состоянии обречённости, онтологического одиночества и является импульсом в творчестве художника, раскрывающего глубины человеческой души. С точки зрения критика, писатель способен создать великие произведения только тогда, когда в его жизни была трагедия, когда он сам находился на краю гибели. Например, Ф. М. Достоевский, с точки зрения Л. Шестова, после помилования пишет лучшие свои произведения. Мучительное ощущение жизни проявилось в творчестве Н. В. Гоголя. В центре внимания Л. Шестова находится духовный мир Н. В. Гоголя. Исследование специфики психосферной организации личности писателя позволило критику уловить

связь между земным и трансцендентным, бытовым и бытийным в его текстах. Шестовское видение Н. В. Гоголя в целом вписывается в контекст литературно-философской критики конца XIX — начала XX вв., создавшей вместе с писателями-символистами вокруг его личности своеобразную мифологию. Н. В. Гоголь искал путь к истине через намеренное погружение в мир трагедии. Критик интерпретирует творчество художника как особое явление русской литературы, находящееся всегда «на грани реального и ирреального, бытия и небытия», где возникает «возможность познать божественное». Для Л. Шестова жизненный и творческий путь писателя представляет собой один из самых загадочных примеров существования человека-на-границе, отсюда и следует область трагедии, творческие муки, отчаяние, страдание. Современный исследователь В. Подорога отмечает, что для Н. Гоголя характерно погружение в мир смерти, в мир запредельный и тёмный, непознанный и страшный, вследствие чего возникает «безликость и мёртвенность персонажей», ибо «смерть уже случилась в гоголевском мире». Деталей, свидетельствующих о попытке персонажей вернуться к жизни, немного. Они мгновенны, и быстро исчезают и сменяются описаниями «мёртвых героев», как замечает исследователь. Л. Шестов также пишет о Н. В. Гоголе как о человеке с печатью смерти: «Его сверкающее остроумием и несравненным юмором произведения — самая потрясающая из мировых трагедий, как и его личная жизненная судьба. И его посетил грозный ангел смерти и наделил проклятым даром второго видения». Именно Н. В. Гоголь, по мнению Л. Шестова, сумел максимально глубоко выразить сущность перехода бытия в инобытие.

Л. Шестов предполагает, что читатель должен, прежде всего, проникнуть в мир внутренних страданий писателя, чтобы познать его художественный мир, ибо в произведениях Н. Гоголя очевидна связь между автором и персонажами. В этой связи для критика наибольший интерес представляют поздние произведения писателя («Выбранные места из переписки с друзьями» и др.) и факт сожжения второго тома «Мертвых душ». В них, с точки зрения критика, присутствует абсолютное безумие, к

которому приходит человек, заблудившийся в мире обыденности. Герои Н. Гоголя представляются Л. Шестову особым типом «подпольного человека»: безысходно-безумные, противоречивые, мучающиеся. Как известно, Н. В. Гоголь писал: «Я стал наделять своих героев сверх их собственных гадостей моей собственной дрянью. Пушкин, который так знал Россию, не заметил, что всё это карикатура и моя собственная выдумка» [3, с. 40]. Более того, именно это высказывание писателя становится кодом в критической интерпретации Л. Шестова, позволившем ему писать о мистицизме Н. Гоголя, его экзистенции. Именно эти особенности творческой индивидуальности писателя дают право Л. Шестову заметить: «В русской литературе Достоевский не стоит одиноко. Впереди него и даже над ним должен быть поставлен Гоголь. Все произведения Гоголя... одни непрерывные записки из подполья» [11, с. 97].

Сопоставляя художественные миры Ф. Достоевского и Н. Гоголя, Л. Шестов указывает, что Ф. М. Достоевский сильнее проявляет своё отчаяние в художественных произведениях, Н. В. Гоголь — в публицистике, ибо в ней очевидна прямая обращённость писателя к читателю. В. Лашов отмечает: «Невыразимо страшное чувство перехода в инобытийное существование сумели потрясающе выразить многие русские писатели, но पहले всех в этом отношении был, с точки зрения Шестова, Гоголь. Он считал его книги неразгаданными, скрывающими за семью печатями мироощущение великого писателя, представлявшего весь мир заворожённым царством, погружённым в лицемерное смирение перед лицом необходимости. С точки зрения Шестова, Гоголь мучительней, чем Достоевский, чувствовал страшную власть чистого разума» [11, с. 78].

Л. Шестов указывает, что русские писатели, решают «последние загадки бытия» — «загадки знания, веры, греха, искупления» [11, с. 79]. Когда приходит осмысление бытия, возникает «безотчётный, беспричинный и бессмысленный страх перед Ничто» [11, с. 85]. Страх же порождает отчаяние, которое «подводит художника к пределам сущего» [11, с. 94]. Ничто в понимании Л. Шестова — это неизвестность, которая открывается человеку только тогда, когда он решается загля-

нуть за пределы сущего, за грань жизни и смерти, в мир божественной веры.

Как мы уже отмечали, Л. Шестов включает в свои рассуждения читателя, в диалоге с которым ставит и решает онтологические вопросы бытия. Диалогичность двух сознаний даёт возможность Л. Шестову прийти к выводу, что разум превратил мир в великую иллюзию, где невозможным становится «преодоление самоочевидных» вещей. Глас вопиющего в пустыне — это не только голос Иова, страдающего от страшной болезни в пустыне, Ф. Достоевского, ожидающего смертной казни, трагической гибели М. Лермонтова, безумства Н. Гоголя, — но и призыв самого Л. Шестова к отречению от власти разумной необходимости и приходу к вере. Именно поэтому ему близки художники, способные на внутренний бунт: М. Лермонтов и Ф. М. Достоевский, Н. В. Гоголь и Г. Ибсен. Эти писатели, как указывает Л. Шестов, познают истину, которую посылает художнику Бог с верой.

В этом плане для Л. Шестова оказываются важными размышления Кьеркегора об определённых типах индивидуальности писателя. Философ отмечает два типа художника, обозначая их метафорически как рыцарей веры и покорности. Рыцаря покорности Кьеркегор определяет как тип творческой индивидуальности, смирившейся со своей участью, ощущающей себя «только пришельцем и чужаком». Кьеркегор приводит известный фольклорный сюжет о царской дочери, которую хочет завоевать молодец, но он не делает усилие в движении к вере и Богу. В то время как рыцарь веры благодаря вере получит царскую дочь, «ибо он господствует над конечным» [11, с. 35].

На основе размышлений мыслителя Л. Шестов создаёт классификацию типов художника, согласно которой художник может реализовать себя в четырёх ипостасях: плотской, душевной, духовной, невинной.

Так, например, обращаясь к творчеству И. Тургенева, в частности, к «Стихотворениям в прозе», Л. Шестов замечает, что писателю удалось выразить тоску «о жизни... ушедшей на проповедь «добра». «Предпоследние слова» И. Тургенева возникают на грани жизни и смерти, когда раскрывается внутреннее Я

человека, приближая его к истине. Человек в творчестве И. Тургенева, с точки зрения критика, являлся *исключительной* личностью со своей *неповторимой* жизнью, индивидуальностью.

Отношение Л. Шестова к творчеству И. Тургенева нельзя определить однозначно. Именно в «Стихотворениях в прозе» Л. Шестов усматривает мотив «предпоследних слов» писателя, то есть момент осознания художником онтологического одиночества, которое можно преодолеть силой веры, чтобы вырваться из норм и законов обыденности. Критик называет такой путь приходом к вере через Абсурд. Следует учесть, что у Л. Шестова трактовка данного понятия собственная и связана с его пониманием веры и Бога, о чём критик пишет в работах «Апофеоз беспочвенности», «Афины и Иерусалим», «На весах Иова».

Рыцарь веры для Л. Шестова — это художник **духовного типа**. К ним критик относит М. Лермонтова, Ф. Достоевского, А. Чехова, Г. Ибсена. Герои их произведений не боятся заглянуть за пределы сущего и ответить на вопросы о смысле жизни. Среди художников данного типа в системе Л. Шестова особое место занимает Ф. Достоевский. Вся жизнь писатель прожил, находясь в экзистенциально напряжённом состоянии духа, что соответствовало мироощущению Л. Шестова. Критик, преломляя наследие Ф. Достоевского сквозь призму собственных идей, оказался чрезвычайно чутким к прозрениям Ф. Достоевского и кризисам его сознания.

Литературную деятельность писателя Л. Шестов делит на два периода:

- 1) от «Бедных людей» до «Записок из мёртвого дома»;
- 2) от «Записок из подполья» до «Пушкинской речи».

Первый период критик анализирует в общих чертах, бóльший интерес для него представляет второй, поскольку в нём отразился внутренний духовный кризис Ф. Достоевского, связанный с проблемой памяти, переосмыслением системы личностных ценностно-смысловых ориентиров. Мотив подполья и подпольного человека становится центральным, с точки зрения Л. Шестова, в творчестве писателя.

Одним из главных вопросов, которые задаёт Л. Шестов при анализе романов Ф. Достоевского, является вопрос о природе

человека. Л. Шестов отмечает в данном контексте две основополагающие идеи, которые стали лейтмотивными в творчестве Ф. Достоевского *второго периода*:

- всё, что есть у человека, получено от Кого-то;
- смерть — есть дисгармония, диссонанс.

В исследование периода после помилования Ф. Достоевского и каторги Л. Шестов вводит категории «Абсурд» и «хаос». Абсурд трактуется критиком как осознание себя в мире Божественного, парадоксального и трагического. Хаос в данном мире является главной структурообразующей связкой, которая предполагает абсолютный отказ от мира знания, норм и морали: это способность преступника, убийцы, насильника покаяться. В состоянии *космоса* такое покаяние невозможно, поскольку преступник как человек ограничен законами *зла*, в которых он существует и из которых вырваться не может и не желает.

Сочетание Абсурда и хаоса приводит Ф. Достоевского к осознанию того, что есть Бог. Л. Шестов определил это как веру, несмотря на трагичность жизни. В связи с этим критик выделяет три возможных пути человека:

- 1) от человека быта — к Богу (святые, мученики);
- 2) от человека быта — к Зверю (Ф. Ницше);
- 3) от человека быта — к Богу через Зверя (Ф. Достоевский, С. Кьеркегор, Г. Ибсен и др.).

Л. Шестов размышляет о том, что человек Ф. Достоевского не в силах предвидеть свой путь. Одним дано ощутить Божественную благодать без *проживания трагедии*, признав себя ничтожными и греховными; другие проживают трагическую жизнь, полную испытаний (не только физических, но и духовных), и приходят к безумию, к стене, которую не в силах преодолеть.

Третий тип пути означает для критика переход в сферу Божественного через безумие. В творчестве Ф. Достоевского — это герои-идеологи, которые впоследствии отказываются от своей теории и приходят к вере, например, Раскольников. Именно романы Ф. Достоевского, в которых проявляется данный тип героя, стали главным объектом исследования Л. Шестова.

Таким образом, в статьях Л. Шестова о русской литературе проявляются основные принципы его критики: философичность, шестовизация, интертекстуальность, диалогичность. В совокупности данные принципы свидетельствуют об особом типе личности Л. Шестова как критика, отражающего синтезное мышление переходной эпохи и экзистенциалы сознания творческой индивидуальности писателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асоян А. Семиотика орфического сюжета в литературе Серебряного века / А. Асоян // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. — 2002. — Вып. 4. — С. 16–24.
2. Горбачёв А. Гоголь / А. Горбачёв. — М.: ЭКС ТМА, 2008. — 139 с.
3. Гоголь Н. Собр. соч.: в 7 т. / Н. В. Гоголь. — М.: Художественная литература, 1987. — Т. 5. — С. 39–67.
4. Заманская В. В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. Диалоги на границах столетий: Учебное пособие. — М.: Флинта; Наука, 2002. — 205 с.
5. Кувакин В. А. Мыслители России: Избр. лекции по рус. философии / В. А. Кувакин. — М.: Российское гуманистическое общество, 2005. — 425 с.
6. Лашов В. Л. Шестов и Н. В. Гоголь / В. Лашов. — <http://cyberleninka.ru/article/n/lev-shestov-i-nikolay-gogol>.
7. Манн Ю. Поэтика Гоголя / Ю. Манн. — М.: Худож. лит., 1988. — 413 с.
8. Овсянко-Куликовский Д. Литературно-критические работы / Д. Овсянко-Куликовский. — М.: Букинистическое издание, 1989. — 526 с.
9. Подорога В. Мимесис / В. Подорога. — М.: Культурная революция, 2006. — 539 с.
10. Раковская Н. Литературная критика: Проблемы теории и истории / Н. Раковская. — Одесса: Астропринт, 2007. — 324 с.
11. Шестов Л. Апофеоз беспочвенности / Л. Шестов. — М.: АСТ, 2001. — 129 с.
12. Шестов Л. Киркегард и экзистенциальная философия / Л. Шестов. — М.: АСТ, 2005. — 299 с.

Стаття надійшла до редакції 15 жовтня 2013 р.